

"Милосердие может быть признаком великого человека, но тогда и надгробие тоже". - Отрывок из личных мемуаров Грозного Императора Террибилиса II В покоях Командора было темно, единственный свет исходил от свечи на столе женщины. Он бесшумно шагнул за ее спину, и сила его Имени заглушила звуки доспехов, когда он поднял клинок. Темноволосая женщина замерла на долю мгновения, и Сквайр понял, что его шансы быстро справиться с ней испарились. "Тихо или нет, - произнес Командор голосом с мягким акцентом Деорайта, - от тебя воняет кровью". Клинок Сквайра опустился, но женщина крутанулась, схватившись рукой за длинный нож, лежащий на столе, и в последний момент отбила смертельный удар. Зеленоглазый мужчина вздохнул и переступил с ноги на ногу, когда она поднялась на ноги. "Надеюсь, это была фигура речи, - мягко сказал он. "Я принимаю ванну каждые несколько дней". com Командор насмешливо оскалила зубы.

"Некоторые вещи не смываются водой, Прэзи, - ответила она. Его клинок метнулся вперед, пробуя на вкус край ее защиты и обнаруживая, что он, к сожалению, устойчив. Конечно, не меньше, чем он ожидал - Имя женщины можно было заслужить только годами упорных боев, и даже наставничества Рейнджера не хватило, чтобы преодолеть разницу между их уровнями опыта. Даже воспитанный талант может завести далеко. "Так скажи мне, ассасин, - насмеялся Командор, - что же все-таки подтолкнуло Канцлера послать за мной убийцу?" Длинный нож мелькнул в ее руке, и она шагнула вперед, превратив выпад в злобный щелчок запястьем, когда он обошел ее, отскочив в сторону, прежде чем он успел нанести ответный удар, оставив после себя неглубокий порез на щеке. "Это была карательная экспедиция на Красных Кабанов?" - спросила она.

Сквайр плавно опустился на землю, пытаясь найти угол, под которым можно было бы использовать больший радиус действия своего меча. Жаль, что путь в кают-компанию предполагал передвижение налегке, потому что сражаться с таким опасным противником без щита было выше его сил. "Нет, - размышлял Командор, - не то чтобы мы никогда не делали этого раньше". Значит, кто-то открыл свой проклятый рот о моем плане насчет Малых степей". Сквайр улыбнулся. "Возможно, я что-то и слышал", - согласился он. "Но, похоже, вы действуете по заблуждению, командер". "Тогда просвети меня, ассасин", - холодно ответила она. "Не ассасин, - поправил он ее. "Сквайр".

В этот момент раздался звон колоколов. Три звона, пауза и снова три звона - сигнал к пожару в крепости. Значит, подмастерье уже приступил к работе, а значит, пора закругляться: Скоро соплеменники Грема будут на месте. Его противник произнес несколько слов на древнем языке. Судя по интонации, можно было предположить, что ничего особо вежливого в них не было. "Значит, ты один из тех щенков, которые хотят стать следующим Черным Рыцарем", - прорычала она. "Ты совершил ошибку, придя сюда сегодня вечером, мальчик, и я с удовольствием пресеку это на корню, пока ты не стал настоящей проблемой".

А это, вынужден был он признать, вполне реальная возможность. Когда она снова двинулась вперед, в ее ударах чувствовалась холодная злость - он снова и снова был вынужден уступать, вытесняясь из ее каюты, пока не оказался у лестницы. Командор проскользнула под его защитой, когда он перенапрягся, не обращая внимания на глубокий порез, который он вырезал прямо над ее ухом, чтобы сократить дистанцию и ударить ладонью ему в грудь. Если бы кто-нибудь, кроме Намека, сделал это в полном вооружении, он бы сломал себе запястье, но вместо этого ее удар отправил его кувырком вниз по лестнице. Примерно на полпути ему удалось встать на ноги, но прежде чем он успел поднять меч, она почти перерезала ему яремную вену, заставив его отчаянно отшатнуться назад. В считанные мгновения она вывела его во внутренний двор, и теперь они оба понимали, что игра окончена. "Если ты встанешь на колени, - сказала она, - я сделаю это быстро".

"Если бы это была история, - сказал ей Сквайр, - то это был бы момент, когда я открыл, что все это время был левшой". "Правда?" - сурово спросила темноволосая женщина. "Нет", - ответил он, убирая меч в ножны. "Я, видите ли, в душе практичный человек". Первая стрела попала Командору в горло, пробив его насквозь и выйдя с другой стороны. Работа рейнджера. Через мгновение последовал залп из короткого лука соплеменников Грема, засыпав ее таким количеством стрел, что он уже не мог разобрать ее лица. В том-то и дело, что есть практические виды, командир, - мягко сказал ей Сквайр. "Мы обманываем". Я проснулся в незнакомой комнате. На моей коже еще ощущался холод северной ночи, щеку все еще щипало в том месте, где длинный нож командера прочертил кровь. Но это ощущение меркло по сравнению с остальными болями: все мое тело было сплошной раной, а самая страшная рана располагалась вокруг длинной раны, пересекавшей все мое туловище.

Я приподнялся на подушках и поморщился от вспышки боли. Отбросив в сторону одеяло, я внимательно осмотрел порез, закрытый бинтом, который подарил мне Одиноким Мечник: он был кроваво-красного цвета, и шрам от него будет довольно страшным, но, по крайней мере, он не кровоточил. На остальных частях тела не было никаких следов, отчего по позвоночнику пробежала дрожь: Я уже достаточно исцелился у Захария, чтобы понять, что магия не может исцелять так хорошо, не окунаясь при этом в нечистую воду. В комнате я был один, и, осмотревшись, я убедился, что она обставлена в калловском стиле, окон нет, и снаружи не слышно ни малейшего шума. Все здесь пахло кровью, - с удивлением заметил я. Я не обратил внимания, потому что во сне я почувствовал тот же запах, и разве это не жуткая мысль?

Я заставил себя сесть на край кровати, подавив болезненный стон. Личность сквайра из моего сна определить было несложно: Блэк выглядел примерно так же, как и прежде, хотя и немного старше, а жуткие зеленые глаза я никак не мог спутать ни с чьими другими. Однако в видении было слишком много деталей, чтобы оно могло быть просто фантазией, придуманной моим разумом во время сна: даже сейчас, закрыв глаза, я все еще слышал низкий голос Командора и вопль стрел, падающих сверху. Значит, сон с именем. Мой разум все еще был слишком туманен, чтобы понять, что именно здесь происходит, но я знал, что для этого должна быть причина. Когда Блэк вонзил меч мне в грудь, я оказался перед лицом двух версий себя, которые могли бы быть. Поэтому во сне я вижу, как предыдущий сквайр убивает героя, когда я только что отпустил одного из них.

Немного грубовато, если говорить о намеках, но я не была тонкой девушкой по натуре: логично, что мое Имя будет таким же прямым. Я провела рукой по своим спутанным локонам, скорчив гримасу. Боже, как от меня ужасно пахло. Мне нужно было принять ванну или хотя бы сменить одежду.

Дверь со скрипом отворилась, и вошла Капитан, просунув голову под порог. Это зрелище вызвало у меня улыбку: очень немногие вещи должны быть размером с Капитана, за исключением тех мест, где обитают адские людоеды. Хорошо, - хмыкнула воительница. "Ты проснулся". Едва ли, - согласился я. "Как долго я был в отключке?" Прошло два дня после твоей маленькой выходки, - сказала она. "Ты был чертовски близок к тому, чтобы не проснуться". Я догадывался об этом, но все равно от этих слов у меня по позвоночнику пробежала дрожь. Может, мне послать благодарственную записку целителям Легиона?" Капитан фыркнул. Ты разорвал свое тело больше, чем они могут выдержать, - сообщила она мне. "К счастью, у нас в лагере был маг крови из племени Свифтфут - потребовалось три кровопускания, чтобы вернуть тебя в приемлемое состояние". Кровопускания. Господи, я надеялся, что она говорит не то, что я подумал. Вы имеете в виду, что они пустили мне кровь, верно?" Оливковокожая женщина окинула меня спокойным взглядом.

Не будь тупой, девочка, - ворчала она. "В твоих венах осталось совсем мало вещества. Блэк

заставил их вылить кровь из трех. Грубая штука, но обычно срабатывает". Я почувствовала, как у меня свело живот, и выпустила рваный вздох. Три человека погибли только для того, чтобы исцелить меня, и капитан, похоже, даже не считает это особенно примечательным. Кто это был?" прохрипел я. "Люди, которые погибли, чтобы спасти меня". Она пожала плечами. "Заключенные камеры смертников", - сказала она мне. "Я так и не узнала их имен, но Скриб наверняка знает. Пришлось оформить кое-какие бумаги, чтобы запросить их".

Запросить их, как ресурс. Так же, как если бы они попросили новый комплект доспехов или швейное оборудование. Как будто это были вещи, а не люди. О, они вряд ли были очень хорошими людьми - в противном случае их бы не приговорили к смерти, - но в конце концов я увидел, что прези тратит жизни калловцев как валюту. Три чужие жизни, без раздумий потраченные на сохранение моей. Интересно, согласился бы я на это, если бы не спал? Мне стало противно от того, что я уже не был так уверен в своем ответе, как месяц назад. Присутствие капитана вдруг стало невыносимым, оно портило все, чего я пытался добиться. Еще один винтик в механизме Империи, отнимающий жизнь у покоренного народа. И все же, что я мог сделать? При всем моем желании наброситься на нее, я прекрасно понимал, что даже в самом лучшем случае мне не удастся сделать больше, чем поцарапать ее броню.

Она была женщиной, которая столкнулась с целыми батальонами рыцарей и без труда расправилась с ними. Они были добры, капитан и Блэк, настолько покладисты и услужливы, что я даже забыла, что имею дело с чудовищами. Чудовищами, которых боятся даже другие чудовища. И хуже всего было то, что мы были на одной стороне. Я добровольно решил присоединиться к людям, которые рассматривали человеческие жертвоприношения как еще один инструмент в своем арсенале. Привкус желчи во рту заглушил запах крови, и мне вдруг захотелось плевать. Одно дело - абстрактно принимать решение о жертвовании жизнями, но теперь, когда я столкнулся с реальностью... Как я мог подумать, что из этого выйдет что-то хорошее? Взгляните на фундамент своего лучшего мира, Кэтрин Фаундлинг. Еще три трупа в кучу, и они будут не последними. Меня вырвало, и я заблевал всю кровать. Забота на лице капитана была самым отвратительным проявлением доброты, которое я когда-либо видел.

Через мгновение мой желудок успокоился, и я вытер рот об одеяло.

Тогда я поговорю со Скрибом, - пробормотал я, дрожа. Я запомню имена, вырежу их так глубоко, что никогда не смогу забыть. Выясню, есть ли у них семьи, люди, которые зависели от них: ничтожный способ вернуть столь глубокий долг, но что еще я мог сделать? У меня все еще оставались сбережения из Ямы, и я не потратил бы на это ни единой крупички имперского золота. Мой долг, мое покаяние. Боги смилоствовали над моей душой. Ты можешь сделать это позже, - ворчал капитан. "Надень тунику, Блэк хочет, чтобы ты вышел на улицу".

Я чувствовал себя слишком опустошенным, чтобы сказать ей, что все они могут идти в жопу, насколько я понимаю. Комода не было, но кто-то аккуратно сложил одежду на стуле в углу. Я заставил себя подняться на ноги, отмахнувшись от помощи капитана, когда тот покачнулся. У меня не было настроения принимать помощь от Прэзи. Смена белья в присутствии постороннего человека вызывала у меня почти ностальгию, напоминая о тех временах, когда я жила в одном общежитии с другими воспитанницами приюта. Правда, тогда мне никто не выдавал одежду. Меня беспокоило, что я перестала замечать подобные роскошества: они подкрадывались к тебе, атрибуты власти. По одному дюйму за раз, пока ты не забывал, что когда-то жил без них. Мои губы скривились от отвращения, когда я увидела, что шерстяная туника, которую мне полагалось носить, была выкрашена в черный цвет. Мне показалось, что на меня претендуют, а я всегда от этого отказывалась. Но я все равно застегнул воротник и разгладил лицо от эмоций. Как только представится случай, я куплю себе одежду.

Зачем я ему нужен?" спросил я капитана, натягивая сапоги. Просто нужно, чтобы тебя видели на улице, - ответил гаргантюанский Тагреб. "Ходят слухи, что ты мертв, и людям нужно лицо, которое можно подставить под огонь". Я моргнул. Черт, костер гоблинов. Он все еще горит?" спросил я. Им удалось оцепить его, - сказал Капитан, - но почти половина квартала сгорела. По крайней мере, Истрид успела вовремя эвакуировать людей с помощью своих легионеров". Небольшое облегчение, что мне не придется добавлять новые жизни к своему счету так скоро после предыдущих. Я затянул пояс и проверил, правильно ли уложен нож в ножны. Меча не было, но этого и следовало ожидать после того, как клинок Одинокоего Мечника разрубил его. Пойдем и покончим с этим, - пробормотал я, измотанный больше, чем требовали даже мои раны. Трактир, в котором мы, судя по всему, находились, был безлюден, если не считать горстки чернокнижников, прикрывающих вход. Я проигнорировал их и последовал за кареглазым воином на улицу.

Я услышал шум толпы задолго до того, как мы добрались до Двора Мечей. На большой мощеной площади когда-то вершилось правосудие графов Саммерхольма, хотя императорская правительница предпочитала для этих целей крепость. Свое название она получила от того, что граф Харлей Мрачный взял оружие убитой армии праэси и сложил его в кучу, чтобы предложить тогдашнему королю вместо причитающихся за тот год налогов. Во дворе собралась, наверное, большая часть населения Саммерхольма, и шум тысяч людей, перешептывающихся между собой, был почти оглушительным. В центре возвышалась виселица, окруженная шеренгой легионеров в шесть человек. Черный сидел верхом на своем коне перед сооружением, а рядом с ним неподвижно, как статуя, стояла Скриб. В кои-то веки она, похоже, не обращала внимания ни на что, кроме того, что происходило перед ней.

Люди расступались перед Капитаном, как перед отступающим приливом, затихая при виде высокого Намеда, шагающего по камню. Краем глаза я видел, как люди указывали на меня, думая, что я не вижу. Сквайр, - услышал я шепот. Почти так же часто говорили "предатель", и этот эпитет не был бы столь жгучим, если бы в нем не было доли правды. Я смотрел прямо перед собой и изо всех сил повторял шаг капитана. Блэк был в полном доспехе, я заметил это, как только мы приблизились - на нем был шлем, в кои-то веки тяжелый, украшенный орнаментом, похожим на ухмыляющегося дьявола. Сквайр, - поприветствовал он меня, все еще глядя в сторону виселицы. Черный, - ответил я. "Что это за чертовщина?" Восстановление порядка, - сказал он.

До виселиц оставалось не более тридцати футов, и я мог видеть, кто на них находится. В двух шеренгах за петлями стояло, наверное, человек пятьдесят, и я узнал каждого из них. Покровители из "Потерянной короны", несколько человек, которых я мельком видел в Королевской литейной, и которые, должно быть, пережили эту ночь. Вы не можете этого сделать, - сказал я. "Не все из них были членами Сынов. Некоторые просто симпатизировали им и..." И участвовали в убийстве императорской гувернантки, - резко прервал он меня. "Государственная измена, за которую полагается петля". Вы уже знали, кто был их участниками, - умоляюще произнес я. "Вы могли бы повесить их тогда, не нужно делать это сейчас". Зеленые глаза смотрели на меня сквозь отверстия в шлеме. Их можно было терпеть, пока они были безвредны, - заявил он. "Теперь они уже не безобидны". Это мясницкое убийство, - шипел я. "За это тебя возненавидят". Меня уже ненавидят в этом городе, - заметил он. "Приемлемая потеря, если меня еще и будут бояться".

Я потянулся к силе своего Имени, но ничего не было. Ни капли той силы, которую я использовал, чтобы сокрушать своих врагов, даже когда я тянулся к ней так глубоко, как только мог. Ты связал мое Имя, - обвинил я его. Твое бессилие - твоя собственная заслуга, - ответил Блэк. "Ты совершил действие, противоречащее природе твоего Имени, и тем самым нарушил свой доступ к нему. Полагаю, это связано с вашей стычкой с героем. Тело не было

найдено". Значит, вы наказываете меня, убивая Кэллоувэнов?" Я зарычал. Я вешаю предателей, взявших в руки оружие против Башни, - резко поправил он. "Я не имею привычки тратить жизни из-за мелочных уроков". Никогда и никого я не ненавидел так, как этого человека в тот момент. Он сидел на своем коне и смотрел на меня сверху вниз. Он стоял перед каждым гребаным ухмыляющимся праэси, с которым я сталкивался, и смотрел на меня, как на скот в их стаде. Притворяясь, что законы, которые он соблюдает, - это не что иное, как правила, которые Пустошь использует, чтобы исправить игру, чтобы они всегда выигрывали.

Я не буду принимать в этом никакого участия, - произнес я таким холодным и яростным голосом, что с трудом верилось, что это мой собственный голос. Мои пальцы сомкнулись на рукоятке ножа. Его взгляд не отрывался, и я поняла, насколько абсурдной я, должно быть, казалась ему - девушка, которая даже не могла воспользоваться своим Именем и при этом грозила наброситься с ножом на Черного Рыцаря. В десяти футах от меня стояли два Каламити, и даже сквозь дымку ярости этот факт успел дойти до сознания. Я разжал пальцы. Я не буду в этом участвовать, - повторил я, уже более спокойно. Может быть, я и не смогу остановить это, но мне не нужно было делать вид, что я это одобряю. Я повернулся, чтобы уйти, пойти куда угодно, только не сюда... Стоп". Мне казалось, что я знаю страх. Я почувствовал его в ночь нашей первой встречи, когда сила рыцаря подавила воздух в переулке. Но я ошибался. Очень сильно ошибался. Мои конечности замерли, а сердце заколотилось в судорогах. Темные твари скрывались прямо из виду, жаждая моей смерти. Повернись".

Я послушался. Я не мог даже подумать о том, чтобы не подчиниться. Монстр изучал меня без малейших эмоций в глазах, почти безразличное веселье, которое он всегда демонстрировал, сползало с его лица, как вода с глиняной маски. В том, с кем я столкнулся, не было ни капли человечности, и наконец-то я мог сказать, что встретил Черного Рыцаря. Настоящего. Ты думала, что это игра, Кэтрин? Что действия не будут иметь последствий?" - пробормотал зеленоглазый мужчина. "Власть бывает разной. Власть влечет за собой ответственность. Амбиции, подобные вашим, требуют жертв, так что стойте здесь и наблюдайте".

Мое тело хотело. Даже когда я кричал внутри, мое тело делало это. В толпе воцарилась тишина, когда генерал Сакер вскочила на виселицу и резким жестом приказала своим legionерам приступить к делу. Рычаги были нажаты, земля разверзлась под заключенными, и двадцать пять калловцев умерли от перелома шеи. Тысячи людей стояли в зале суда, и можно было услышать, как падает булава. Legionеры отвязали трупы, как только последний из них перестал дергаться, и позволили им упасть в люки, проталкивая вперед второй ряд пленников. Я читал их лица одно за другим, слишком ошеломленный, чтобы как следует ужаснуться. В середине шеренги стояла стройная светловолосая девушка с серыми глазами. Наши глаза встретились, и на ее лице мелькнуло узнавание, а затем мольба. Боги, простите меня. Я не знала. Вы должны мне поверить, я не знала. Прошел удар сердца, и на прекрасном лице появилось отвращение. Она сплюнула на землю, когда петля сомкнулась на ее шее. Генерал Сакер снова сделал жест, и она умерла.

Толпа испустила протяжный вздох, и на этом все закончилось. Десятки тысяч людей стояли во дворе мечей, окружая менее двухсот legionеров, но когда последний труп опустился под виселицу, они начали расходиться. Трусливые, как и я. Мы уходим с полуденным колоколом, - спокойно проговорил Блэк. "К этому времени возвращайтесь в казармы".

Без лишних слов он ускакал прочь, его закованный в сталь конь повиновался невысказанным командам своего Имени. Я ошеломленно попятился, ноги сами понесли меня прочь от Суда. Неважно, куда, лишь бы не сюда. Где угодно, только не здесь. Долго ли я блуждал, сказать не могу, но в конце концов я оказался в тупике. Больше никого не было видно. Я прислонился к стене, уперся лбом в грубо отесанный камень. Медленно опустился на колени, чувствуя

жжение в ране и растягивая тело. Я очень, очень устал. Более двухсот миль отделяло меня от дома, и я вдруг осознал, насколько я одинок. Вокруг меня были люди, которые ненавидели меня, люди, которых я по собственной воле отбросил за компанию с убивающими их монстрами. И вот теперь я здесь, без защиты даже Имени, за которое я выменял свою душу.

Сухой всхлип вырвался из моего горла, и я медленно покачнулся, закрыв глаза. Я сделал это сам, чувствуя себя умным и контролируя каждый шаг. Это было похоже на сон. Одна красочная нелепость за другой, имена, видения, утверждения. То, о чем слагают легенды. Может быть, именно поэтому мне все давалось так легко - я не мог поверить, что это реальность, и относился к этому как к сказке. Я общался со злодеями, заливавшими кровью страницы учебников истории, как будто я был равным, а не муравьем, на которого можно было без раздумий наступить. Одно воспоминание о том, как я наговорил в первую ночь, леденило кровь, когда я понял, что разговаривал с зеленоглазым существом, встреченным в суде, а не с беспечным злодеем, как я думал. Теперь уже невозможно было поверить, что это сон. Не тогда, когда я все еще слышал, как шеи калловцев трещат под веревкой. По щекам потекли слезы, и я позволил им упасть.

Если это не стоило того, чтобы плакать, то что стоило?

<http://tl.rulate.ru/book/93177/3198845>